

УДК 94(100)"1914/19"+356.2"1914/16"+070

Свиридова А.С., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГАЗЕТА «НОВОЕ ВРЕМЯ» О ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916 гг.)¹

В статье предпринят анализ материалов российской периодической печати, посвященных военной цензуре в Российской империи в период Первой мировой войны. Для формирования целостного восприятия освещения в российской прессе деятельности военной цензуры для исследования были отобраны, систематизированы и проанализированы статьи газеты «Новое время» (1914–1916 гг.). Газетные материалы этого периода содержали информацию о процессе принятия и корректировки законодательства о военной цензуре, об особенностях реализации этого направления военной и государственной деятельности на практике, о работе военных цензоров. Одна из важных проблем исследования заключается в оценке возможностей освещения периодической печатью военных событий и высказывания ею своего мнения в отношении военно-цензурного законодательства. В связи с поставленной целью в статье осуществляется анализ восприятия и отражения российской печатью процесса утверждения и реализации военно-цензурного законодательства в условиях Первой мировой войны. В статье также показано как периодическая печать, функционировавшая в условиях цензурных ограничений периода войны, оставшаяся одним из ключевых источников формирования общественного мнения, пыталась вести диалог с властью по проблемам распространения информации о происходивших событиях.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Государственная Дума, Временное положение о военной цензуре, военно-цензурная реформа, периодическая печать, «Новое время».

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-92-98

Введение. «Временное положение о военной цензуре» [11], принятое на второй день с момента начала Первой мировой войны, регулировало публикации в печати, почтово-телеграфную корреспонденцию, речи и доклады в военное время. Как правило, периодическая печать не давала оценок «Временному положению о цензуре», ограничиваясь лишь сообщениями о введении этой законодательной меры.

Периодические издания, освещавшие вопросы цензуры в годы войны, были осторожны в своих публикациях. Тем не менее, на основе анализа статей, размещенных на страницах российской прессы и касавшихся вопросов военной цензуры, можно сформировать представление о процессе принятия изменений в законопроект о цензуре Государственной Думой. В качестве примера можно рассмотреть материалы одной из крупнейших петроградских и российских газет – «Нового времени», являющейся источником для изучения проблем, возникавших в процессе взаимодействия периодической печати и военной

цензуры в период Первой мировой войны.

«Новое время» – политическая и литературная газета, издававшаяся в период с 1868 г. по 1917 г. в Санкт-Петербурге и Петрограде. На протяжении своего существования она освещала внутреннюю и международную политику и была популярна не только среди основной массы российского населения. Ее также предпочитал читать Николай II, многие из приближенных к нему лиц. Объяснение тому заключалось в близости проводимых изданием взглядов к позиции российского императора, в информационной насыщенности выпусков газеты, а также в ее влиянии на господствовавшее в то время общественное мнение.

Объекты и методы исследования. В основе представленного исследования находится совокупность принципов, методов, подходов и приемов, входящих в инструментарий современной исторической науки. Их использование позволяет проанализировать материалы периодической печати в процессе освещения ею военно-цензурной реформы.

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

Изучение в последние годы истории Первой мировой войны в значительной мере расширило представления о настроениях, царивших в различных странах накануне и в ходе военных событий [6, с. 152; 7, с. 697].

Однако для понимания сложных контекстов этого важного этапа истории, во многом предопределившего мировое развитие в XX столетии, необходимо иметь всестороннее представление о самых разных его составляющих, сложившихся накануне войны и сформировавшихся на всей ее протяженности. При этом уже высказанные общие соображения и предпринятые обобщения не всегда способны отразить всю многогранность этого события. С этой точки зрения рассмотрение проблем, связанных с функционированием военно-цензурной практики в годы войны, выходит за рамки простого решения вопросов сохранения военной тайны и ограничений распространения информации, затрагивая особенности формирования массовых настроений российского общества в этот период [1]. Роль периодической печати и ее взаимоотношений с военной цензурой обретает в этой связи гораздо более широкое значение.

На современном этапе развития исторической науки этой проблеме уделено внимание в ряде исследований [2, 4, 17, 3, 5], однако изучение вопросов формирования общественного мнения на фоне создания особых условий функционирования информационного пространства в военных условиях, требует расширения исследовательской базы на основе привлечения новых материалов, сопоставления этих вопросов с международной практикой.

Результаты и их обсуждение. Материалы статей «Нового времени» на начальном периоде войны в основном транслировали читателям государственные постановления и законодательные акты, связанные с введением военной цензуры в приграничных районах империи и на театре военных действий. Одна из первых заметок, относившихся к сентябрю 1914 г., отразившая позицию газеты в этих вопросах, являлась информацией для читателей о деятельности военно-цензурной комиссии в Финляндии, начавшей свою работу после введения «Временного положения о военной цензуре»: «Особой финляндской военно-цензурной комиссией

выработано в отношении периодической печати ряд правил применительно к требованиям Высочайше утвержденного положения о военной цензуре, которые сегодня опубликованы и вступили в силу» [10].

Стоит отметить, что территория Финляндии в 1914–1915 гг. в информационном отношении являлась важнейшим транзитным путем для союзников, поэтому военная цензура здесь должна была не только пресекать утечку важных военных сведений, но и выявлять информационные каналы шпионской и диверсионной деятельности [2, с. 8].

Ноябрьский выпуск «Нового времени» содержит текст «Приказа Верховного главнокомандующего 31 октября 1914 г. № 135». Он был составлен на основе анализа фронтовой корреспонденции, в частности, писем офицеров и нижних чинов, в которых продолжали «обнаруживаться сведения о ходе военных действий, расположении частей и других данных, кои, по закону и по существу, не могут подлежать оглашению во время войны» [19]. Анализ содержания Приказа позволяет сделать вывод о том, что многочисленные наставления и ограничения офицеров российской армии, нацеленные на сохранение военных сведений, не получали должной поддержки и требовали принятия более жестких мер, которые можно было реализовать через практику самоцензуры: «Я еще раз обращаюсь к чувству патриотизма всех чинов Высочайше вверенных мне армий и флота в уверенности, что в сознании важности переживаемого времени они сами воздержатся от сообщений в своих письмах неподлежащих оглашению сведений» [19].

Итак, военная цензура выполняла важную функцию сохранения военных секретов, но без сознательного участия самих военнослужащих решения этой задачи добиться было практически невозможно. Речь шла в первую очередь о личной переписке – письмах солдат, необходимых для общения с родными и друзьями. Если в письмах цензором была обнаружена запрещенная для разглашения информация, то они «конфискуются и не доставляются по назначению» [19], соответственно и все иные сведения, содержащиеся помимо этого в письме, также не доходили до получателей.

Принятие Верховным главнокомандующим такого приказа имеет логическое

объяснение и в целом является результатом анализа предшествующего военного опыта, связанного с Русско-японской войной 1904–1905 гг. Подтверждение этому мы находим в материалах заседания Государственной думы от 25 августа 1915 г.: «Сведения, касающиеся военных тайн, могут быть оглашаемы преимущественно путем печати, засим в письмах, телеграммах, оглашение может происходить не только намеренно, но и ненамеренно. <...> Вследствие этого необходима не только последующая кара за уже совершенное преступное деяние, <...> но и предупреждение такого деяния. За примерами ходить недалеко. Во время японской войны все вы читали невинные, казалось бы, телеграммы, которые посылались без всякого злого умысла о перевале той или иной нашей части за Урал. Оказалось, что по этим телеграммам японский генеральный штаб составлял себе совершенно точные сведения о тех частях, которые направились из России на Дальний Восток» [15].

В большинстве связанных с вопросами военной цензуры выпусков газеты «Новое время» за 1915 г. фигурируют проходившие в это время в Государственной Думе дебаты о принятии цензурного законопроекта. Эти статьи в количественном отношении являются самыми объемными материалами о военной цензуре в «Новом времени» за период Первой мировой войны. Обратимся к анализу сюжетных линий обсуждения Государственной Думой законопроекта о военной цензуре.

В октябре 1915 г. основным предметом обсуждения в Государственной Думе стал вопрос о составе Главной военно-цензурной комиссии. К слову, статья, на основе которой эта структура состояла при Главном управлении Генерального штаба, была принята «без прений» [9]. Думе важно было решить – представители каких гражданских ведомств будут входить в состав Главной военно-цензурной комиссии. В процессе обсуждения высказывали свое мнение и начальник Главной военно-цензурной комиссии Алексей Иванович Звонников, и другие депутаты. Так, А.И. Звонников отмечал, что по первоначальной мысли проекта, Главная военно-цензурная комиссия рассматривалась, как своего рода Сенат по делам редакторов на действия местных комиссий и цензоров. Однако, поскольку спорные вопросы в области печати

всегда имели срочный характер, редакторы предпочитали обращаться с телеграфными жалобами к военному министру или к членам Государственной Думы.

Один из докладчиков заявил, что к нему поступали возражения относительно присутствия в составе Главной военно-цензурной комиссии представителей Министерства юстиции, иностранных дел и внутренних дел. Кроме того, звучали предложения об исключении из состава комиссии представителей гражданских ведомств: Министерства иностранных дел, Министерства юстиции и, в особенности, Министерства внутренних дел. Вслед за этим было отмечено, что вопрос об участии представителя Министерства внутренних дел в комиссии стоит в тесной связи с вопросом об объеме военной цензуры.

Если цензура будет чисто военная, Министерству внутренних дел, может быть, там действительно нечего делать. На вопрос о том, почему важно было определить представители каких министерств должны входить в состав Главной военно-цензурной комиссии, в ходе заседания Государственной Думы отвечал сам начальник Главной военно-цензурной комиссии А.И. Звонников: «Главная военно-цензурная комиссия фактически существует больше на бумаге; все спорные вопросы все равно разрешаются по докладу председателя комиссии военному министру» [9]. То есть важно было законодательно зафиксировать представителей Военного министерства в составе Главной военно-цензурной комиссии, которые на практике уже решали основные спорные вопросы, связанные с военной цензурой.

В результате долгих прений, большинство депутатов Государственной Думы высказалось за исключение из состава комиссии представителей Министерства юстиции и внутренних дел [9]. Таким образом, в составе этой структуры оставались лишь председатель и представители следующих министерств: военного, морского и иностранных дел. Кроме того, были расширены функции председателя Главной военно-цензурной комиссии: ему предоставлялось право приглашать на заседания комиссии представителей других ведомств и вменялось в обязанность периодически созывать совещания с представителями печати. Сам же председатель назначался военным

министром и был подчинен непосредственно начальнику Генерального штаба.

Помимо состава военно-цензурной комиссии, Государственная Дума оказала немалое влияние на еще один важный аспект, связанный с реализацией в стране цензурного режима – отделение гражданской цензуры от военной. Статья «Печать и цензура», опубликованная в 1915 г. в «Новом времени», свидетельствует о том, что именно благодаря деятельности Государственной Думы произошло «отделение действительно военной цензуры от примеси чисто политической» [18]. Важно отметить, что в статье от лица периодической печати звучат нотки благодарности Государственной Думе за это решение, об этом свидетельствуют фразы: «обещает печати то, чего она давно добивалась», «и это можно только приветствовать» [18]. «Новое время» выражало надежду, что в связи с вышеназванными обстоятельствами, публикационная деятельность гражданской периодической печати, к которой, собственно говоря, и относилась сама газета, теперь не будет зависеть от «произвола в бесконечном расширении рамок цензуры, как это было до сих пор» [18].

В феврале 1916 г. в очередном выпуске газеты «Новое время» была опубликована заметка, которая в целом передает отношение Государственной Думы к итоговому варианту законопроекта о военной цензуре: «Не только Государственная Дума, но и вся страна приняла бы без прений такое положение, и прежде всего не нашлось бы ни одного протестующего голоса в самой русской печати – в этом вопросе все сойдутся, лишь бы не причинить ущерба военным интересам государства» [12]. То есть Государственная Дума резюмирует, что интересы государства в отношении защиты военной тайны – превыше всего в условиях продолжающейся войны. Итак, не смотря на недостатки законопроекта, который «сам по себе не блещет особыми достоинствами» [16], он был одобрен Думой. Периодическая печать, «Новое время» в частности, резюмировала это следующим образом: «Пусть будет суров закон, но пусть он будет закон» [12].

В целом, отражение в периодической печати обсуждений содержания военно-цензурного законопроекта в Государственной Думе в 1916 г. затихает. В сюжетном отношении в

1916 г. на страницах периодической печати стало транслироваться не содержание законопроекта, а особенности его реализации, в том числе и деятельность цензоров. Так, «Новое время» демонстрировало некоторые примеры «перегибов» в цензурировании информации в рамках обсуждаемого законопроекта. Осенью 1915 г. была опубликована заметка о том, как военная цензура повлияла на жизнь в приграничных районах империи: «Запрещение со стороны военной цензуры писать о том, как выводилось население из западных губерний, привело к тому, что центральная власть не знала об отсутствии плана и порядка в этом деле. Край благодаря этому разорен, имущество уничтожено, население подверглось ненужным разорению и страданиям, а государство должно будет за это расплачиваться миллиардными расходами» [9].

Примечателен еще один пример, получивший освещение в статье «Запрос о военной цензуре», в февральском номере 1916 г. газеты «Новое время». Депутат А.А. Бубликов (прогрессист, член IV Государственной Думы от Пермской губернии) ознакомился с деятельностью цензоров и обратил внимание на два следующих аспекта. Во-первых, он отметил явно излишнее усердие цензоров: «Сегодня ночью мне принесли из редакции целую коллекцию гранок, зачеркнутых красными чернилами, их более пятисот» [13]. Во-вторых, особое негодование у депутата Думы вызвал сюжет, который, по его мнению, «лишает возможности говорить о таких вещах, которые вселили бы в наших сердцах радость и подняли бы дух», а с точки зрения цензоров – разглашал военную тайну. Речь шла о подвергнутом цензуре отрывке: «Гвардейская дивизия решила прорваться почти при полном отсутствии патронов и, обойдя немцев и прокладывая себе дорогу штыками, по трупам германцев соединилась со своими» [13].

А.А. Бубликов был убежден, что действия цензора были не правомерны, однако он действовал в соответствии с законом – годом ранее, на августовском заседании Государственной Думы, посвященном первому обсуждению законопроекта об учреждении военной цензуры, было установлено, что военным цензорам, вменяется в обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не

предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства [14].

В связи с этим не вызывает удивления доклад депутата Государственной Думы от монархистов, редактора газеты «Киевлянин» В.В. Шульгина о деятельности военных цензоров в приграничных районах. В своем выступлении он акцентировал внимание на следующем эпизоде: «Я получил вызов, как редактор газеты явиться к лицу, которому поручено было рассказывать местным газетам требования военной цензуры. Я застал следующую сцену: лицо, было окружено стайей газетчиков, которые испуганно спрашивали: это можно? Нет. А это? Ни в коем случае. А это? Боже сохрани. <...> А когда кто-то спросил – почему – ответ получился еще более интересный – ну как вы этого не понимаете, ведь информацию в Германию послать нельзя, а газеты пошлют» [8].

С ответным словом выступил начальник главного управления по делам печати А.А. Катенин и пояснил депутатам, что если цензура была не на должной высоте, то отсюда едва ли можно сделать вывод, что плох закон, к тому же цензоры не проявляли никакого произвола, а руководствовались самим законом, который говорит, что все то, что с точки зрения цензора может оказаться вредным для военных интересов государства, должно быть исключено [8].

Заключение (выводы). Итак, военная цензура фактически запрещала упоминание в периодической печати любых фактов, связанных с военными действиями, поскольку опасалась использования информации противником. На протяжении всей мировой войны работа цензоров в первую очередь сводилась к сохранению военной тайны. Они обязаны были руководствоваться основным законом о военной цензуре, а также, так называемыми Перечнями, содержащими вопросы, которые не следовало освещать периодическим изданиям. Пресса того времени являлась одним из основных средств передачи информации как внутри страны, так и за ее пределы, поэтому цензурирование газет в условиях ведения военных действий было неотъемлемой частью повседневной жизни Российской империи. «Новое время» в цензурных условиях продолжало достаточно успешно функционировать как одно из крупнейших периодических изданий Российской империи. Тема военной цензуры, несмотря на отрицательное отношение к этому цензурного ведомства, регулярно затрагивалась в публикациях газеты. Анализ таких статей, изучение законодательных материалов, связанных с функционированием военной цензуры, позволяет сформировать довольно целостное представление по вопросам практической деятельности цензуры, определить особенности формирования информационного пространства в экстремальных условиях войны.

Список литературы

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.
2. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета, 2022. №4. С. 7–15.
3. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал, 2012. № 4. С. 152–165.
4. Блохин В.Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Волынь») // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб., 2017. С. 169–186.
5. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история, 2022. № 4. С. 96–117.
6. Булдаков В.П. Революция, эмоции, политики: к переосмыслению событий 1914–1917 гг. // Политическая концептология, 2017 г. № 2. С. 147–180.
7. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. 720 с.
8. В Государственной Думе // Новое время, 1915. № 14177. 11 сентября.
9. В комиссии о печати // Новое время, 1915. № 14155. 20 октября.

10. В Финляндии // Новое время, 1914. №13817. 12 сентября.
11. Временное положение о военной цензуре, в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. Одесса: тип. «Спорт и наука», 1914. 40 с.
12. Заметка // Новое время, 1916. № 14347. 29 февраля.
13. Запрос о военной цензуре // Новое время, 1916. № 14344. 26 февраля.
14. Заседание двадцать восьмое от 29 февраля 1916 г. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Петроград, 1916 г. Ст. 2426.
15. Заседание четырнадцатое от 25 августа 1915 г. Петроград, 1915 г. Ст. 1005.
16. Опасность для печати // Биржевые ведомости, 1916. № 15464. 25 марта.
17. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013.
18. Печать и цензура// Новое время, 1915. № 14174. 8 сентября.
19. Приказ Верховного главнокомандующего 31 октября 1914 г. № 135 // Новое время, 1914. № 13884. 18 ноября.

«NOVOYE VREMYA» NEWSPAPER ON MILITARY CENSORSHIP OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1916).

The article analyses the materials of the Russian periodical press devoted to military censorship in the Russian Empire during the First World War. In order to form a holistic perception of the Russian press coverage of military censorship, the articles of the newspaper "Novoe Vremya" (1914-1916) were selected, systematised and analysed for the study. Newspaper materials of this period contained information about the process of adopting and adjusting the legislation on military censorship, about the peculiarities of the implementation of this direction of military and state activity in practice, about the work of military censors. One of the important problems of the study is to assess the possibilities of the periodical press to cover military events and express its opinion on the military censorship legislation. In connection with this goal, the article analyses the perception and reflection of the Russian press of the process of approval and implementation of military censorship legislation in the conditions of the First World War. The article also shows how the periodical press, which functioned under the censorship restrictions of the war period and remained one of the key sources of public opinion formation, tried to conduct a dialogue with the authorities on the problems of disseminating information about the events that took place.

Keywords: World War I, censorship legislation, military censorship, military censorship reform, periodicals, newspapers, «Novoe Vremya», State Duma.

References

1. Aksenov V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918) [Rumours, images, emotions. Mass moods of Russians in the years of war and revolution (1914-1918)]. М., 2020.
2. Alferova, I. V. (2022). Voенно-цензурный'e praktiki v gody` Pervoj mirovoj vojny` (na materialax Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military censorship practices during the First World War (on the materials of the Grand Duchy of Finland)] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. N. 4. S. 7-15.
3. Batulin P.V. (2012). Perechni voennoj cenzury 1912–1923 gg.[Military censorship lists 1912-1923] // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. N. 4. S. 152–165;
4. Bloxin, V. F. (2019). Voennaya cenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoj mirovoj vojny` [Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War] // *Novyj istoricheskij vestnik*. N. 3 (61). S. 29-43.
5. Bogomolov, I. K. (2022). Gosudarstvennaya дума i cenzurnaya politika v gody` Pervoj mirovoj vojny` [State Duma and censorship policy in the years of the First World War] // *Rossijskaya istoriya*. N.4. S. 96-117.
6. Buldakov V.P. (2017). Revolyuciya, emocii, politiki: k pereosmysleniyu sobytij 1914–1917 gg. [Revolution, Emotions, Politicians: Towards a Rethinking of the Events of 1914-1917] // *Politicheskaya konceptologiya*. N. 2. S. 147–180.
7. Buldakov V.P., Leont'eva T.G. (2015). Vojna, porodivshaya revolyuciyu [The war that gave birth to revolution]. М. 720 с.
8. V Gosudarstvennoj Dume (1915). [In the State Duma] // *Novoe vremya*. N. 14177. 11 sentyabrya

9. V komissii o pechati (1915). [In the Commission on the Press] // *Novoe vremya*. N. 14155. 20 oktyabrya
10. V Finlyandii (1914). [In Finland] // *Novoe vremya*. N. 13817. 12 sentyabrya
11. Vremennoe polozhenie o voennoj cenzure, v svyazi s dejstvuyushhim Ustavom o cenzure i pechati. (1914). [Temporary Regulations on Military Censorship, in connection with the current Statute on Censorship and the Press] - Odessa: tip. «Sport i nauka». 40 s.
12. Zametka (1916). [Note] // *Novoe vremya*. N. 14347. 29 fevralya
13. Zapros o voennoj cenzure (1916). [Enquiry about military censorship] // *Novoe vremya*. N. 14344. 26 fevralya
14. Zasedanie dvadczat' vos'moe ot 29 fevralya 1916 g. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety' (1916). [Session twenty-eighth of 29 February 1916. State Duma. Verbatim reports] Petrograd. St. 2426.
15. Zasedanie chety'madczatoe ot 25 avgusta 1915 g. (1915). [Session fourteenth of 25 August 1915] Petrograd. St. 1005.
16. Opasnost' dlya pechati (1916). [Danger to the press] // *Birzhevye Vedomosti*. N. 15464. 25 marta
17. Patrusheva N.G. (2013). Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH veka [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century]. M.
18. Pечат' i cenzura (1915). [Printing and censorship] // *Novoe vremya*. N. 14174. 8 sentyabrya
19. Prikaz Verhovnogo glavnokomanduyushhego 31 oktyabrya 1914 g. №135 (1914). [Order of the Supreme Commander-in-Chief 31 October 1914 №135] // *Novoe vremya*. N. 13884. 18 noyabrya

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – post-graduate student, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru